Л.Н.Москвичев,
доктор философских наук, профессор

ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В последнее время в социологическом сообществе остро ощущается необходимость того, что на языке философии называется саморефлексией, т.е. необходимость взгляда на современное состояние науки со стороны, с высоты «птичьего полета». Необходимо разобраться в «хозяйстве»: что сделано, как в постсоветских условиях формируется сама наука, ее теория, как проводятся эмпирические исследования, как складываются отношения с другими науками, с другими сообществами — научными и вненаучными, гражданским обществом, социальными институтами и организациями, властными структурами. И самое главное — заинтересованы ли общество и власть в этой науке, в ее результатах.

На важность и актуальность этих и аналогичных вопросов уже неоднократно обращалось внимание в научной литературе[1]. Т.И.Заславская справедливо отметила: «Социология, как и другие общественные науки, несет определенную ответственность за то, как именно осуществлялись реформы, поскольку была и остается их активным, хотя и далеко не главным, участником. Надо сказать, что российские социологи не часто обсуждают проблемы своей роли и ответственности… В отличие от западных коллег, постоянно рефлексирующих по поводу места социологии в обществе, ее взаимодействий с различными институтами, ее участия в осуществлении различных реформ, у нас «социология социологии» не получила заметного развития… Это наша ошибка»[1].

Одним из важнейших вопросов «социологии социологии» является институционализация социологии, который пока не стал предметом всестороннего исследования и нуждается в обстоятельном, объ-

[1] См., например: *Осипов Г.В.* Что происходит с социологией? // Социс. 1997. № 5; *Он же:* Социология и социальное мифотворчество. М.: Норма, 2002; Заславская Т.И. Роль социологии в преобразовании России // Социс. 1996. № 3; *Рывкина Р.В.* Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4; *Тощенко Ж.Т.* Социология: пути научной реформации // Социс. 1999. № 7; Социология и современная Россия / Под ред. А.Б.Гофмана. М., 2003 и др.

[2] *Заславская Т.И.* Роль социологии в преобразовании России // Социс. 1996. № 3. С. 4.

ективном и документированном анализе. Точнее сказать, это не просто вопрос, а совокупность фундаментальных социологических проблем. Даже если рассматривать только институционализацию отечественной социологии, все равно это огромное исследовательское пространство. Описать его можно лишь усилиями многих исследователей, совокупными усилиями социологов (и не только социологов) разных поколений. В предлагаемой статье будут рассмотрены некоторые аспекты этой огромной темы.

Институционализация социологии как социологическая проблема

Становление и развитие отечественной социологии за истекшие полтора века ее существования дают богатейший материал для размышлений и анализа комплексов сложных фундаментальных проблем философии, методологии, социологии социальных наук в целом, внутренних закономерностей роста знания, с одной стороны, и социальных потребностей и интересов — с другой. Научный анализ и глубокое понимание этих проблем важны не только с академической точки зрения, т.е. как объективное знание истории своей науки. Они важны и с точки зрения формирования современной политики государства и бизнеса по отношению к социальным наукам вообще и по отношению к социологии в частности. Известно, что формирование такой политики еще далеко от завершения.

Социальный институт — одно из основополагающих понятий социологии. Обычно им обозначают определенным образом организованные формы деятельности больших групп людей, необходимые для обеспечения жизнедеятельности общества или отдельных его сфер. Совокупность социальных институтов обеспечивает полнокровную жизнь общества, нормальное их функционирование является важнейшим условием стабильности общества как социетальной системы.

Любой социальный институт может быть рассмотрен как социальная система, т.е. с точки зрения его структурных компонентов, их соотношения и взаимодействия между собой и со всей системой. К структурным компонентам социального института можно отнести: 1) специфику и цели деятельности (экономическая, управленческая, образовательная и т.д.), определяемые общественными потребностями и интересами; 2) группы людей, занятых такой деятельностью; 3) организационные формы — как формальные, так и неформальные (фирма, банк, государственно-властные структуры, школа, университет, ассоциация, профессиональное сообщество и т.д.), которые выполняют в обществе в целом или в каких-либо его частях спе-

цифические социальные функции, которые обычно фиксируются в конституциях, законодательных и других правовых актах; 4) социальные нормы, правила поведения внутри данного института, которые отграничивают допустимые и недопустимые действия, действия поощряемые и действия осуждаемые. Они могут быть формально зафиксированы в каких-либо документах, но могут быть и не зафиксированы документально. Однако независимо от этого их исполнение считается обязательным.

К числу важнейших институтов современного общества относят и науку. Институционализация науки есть процесс превращения ее в необходимый социальный институт, т.е. процесс обретения наукой характеристик социального института. Этот процесс, как было показано многими крупными учеными, такими как Д.Бернал, М.Вебер, В.И.Вернадский, Т.Кун, К.Поппер, П.Фейерабенд и другими — процесс сложный, многоаспектный. Он неотделим от процесса развития науки, роста научного знания. Его можно рассматривать как часть развития науки. Вместе с тем внутреннее развитие науки определяется характером и условиями ее институционализации в данном обществе.

Институционализация социологии в обществе может рассматриваться со стороны ее внутренней сформированности (внутренняя институционализация) и со стороны ее интегрированности с социальным целым, т.е. с обществом (внешняя институционализация).

Внутренняя сформированность включает следующие элементы: 1) развитую самостоятельную социологическую теорию, систему социологических знаний, в том числе отраслевых социологий, эмпирическую базу, а также систему социологических методов; 2) специфическую, отличную от других форму профессиональной деятельности, включая научно-исследовательскую, научно-вспомогательную, педагогическую и другие разновидности; 3) развитую организационную структуру (НИИ, отделы, лаборатории, факультеты, кафедры, ассоциации, книжные и журнальные издания); 4) систему подготовки кадров как необходимый элемент воспроизводства науки; 5) формирование профессионального сообщества ученых, в котором доминирующее положение занимают писаные и неписаные нормы и стандарты профессиональной деятельности.

Институционализация социологии означает и ее интеграцию в общество, когда наука становится частью социетальной системы, т.е. необходимой частью общественного организма. Взаимодействие социетальной системы и социального института выступает важнейшим фактором нормального функционирования и системы, и института. В плане интеграции решающее значение имеют формы взаимосвязи социологической науки с другими социальными институтами,

такими как система образования; экономическая система; система власти и политического управления. Большое значение имеет и характер взаимодействия и взаимосвязи с гражданским обществом, его органами и системами представительства.

Таким образом, институционализация социологии в обществе предполагает достижение наукой определенного социального статуса, который включает два основополагающих компонента: во-первых, обретение необходимой степени самостоятельности, автономности, внутренней зрелости науки и, во-вторых, осознание ее социальной значимости, нужности гражданскому обществу и системе власти и формирование на этой основе механизмов востребованности и использования научных результатов. Нетрудно увидеть, что векторы этих компонентов (т.е. автономности социологии и ее востребованности обществом) разнонаправлены, а на практике зачастую противоположны. Поэтому противоречия и конфликты между ними или их отдельными частями — явление не только распространенное, но в сущности неизбежное. Однако мудрость сторон может состоять в том, чтобы расхождения во мнениях, противоречия, споры и дискуссии служили средством поиска оптимальных решений социальных проблем.

Институционализация социологии в дореволюционном российском и советском обществе

Судьба отечественной социологии за полтора века существования была непростой при всех режимах — царском, советском, постсоветском. Можно выделить несколько основных этапов превращения социологии в значимый, нужный обществу, народу и власти и в то же время автономный социальный институт. Однако, как представляется, ни на одном этапе процесс институционализации социологии не был завершен.

Первый этап — с момента возникновения отечественной социологии, точнее — специализированных социологических публикаций в 60-х годах XIX в. до революций 1917 г. В целом для социологии это был плодотворный период: возникли основные научные национальные школы и направления, сформировались крупные ученые, которые внесли заметный вклад в социологию и приобрели международную известность (П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский, Л.И.Мечников, Б.А.Кистяковский, Л.И.Петражицкий, Н.М.Коркунов, П.А.Сорокин и многие другие). Выдающуюся роль в развитии отечественной (и европейской) социологии сыграл М.М.Ковалевский[1]. Научный уровень

[1] См.: *Бороноев А.О., Ермакович Ю.М. М.М.* Ковалевский и институционализация социологии в России // Социс. 1996. № 8.

социологических исследований того периода был очень высок, а в ряде случаев превосходил уровень европейских и американских исследователей. В 1908 г. была открыта первая русская кафедра социологии в негосударственном Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге под руководством М.М.Ковалевского. В 1916 г. было создано Русское социологическое общество его имени. Членами общества стали многие видные русские психологи, историки, политологи. В годы перед Первой мировой войной увидели свет четыре научных сборника под названием «Новые идеи в социологии», в которых публиковались работы зарубежных и отечественных социологов.

Однако царский режим настороженно относился к новой науке и ее идеям и даже самому термину «социология». Социология институционально не была допущена в государственные университеты, ни в одном из них не была создана кафедра социологии. Преподавание социологии в дореволюционной России осуществлялось энтузиастами, им приходилось «для маскировки подлинного содержания науки» пользоваться такими названиями как «обществоведение», «законоведение», «введение в изучение права» и т.д.[1] Подвергались гонениям целые направления и школы в социологии, а также отдельные представители социологической науки. М.М.Ковалевский в 1887 г. был уволен с должности профессора Московского университета «без прошения», жил и преподавал за границей до 1906 г. П.А.Сорокин, по его признанию, трижды арестовывали в условиях царской России, как, впрочем, трижды и при советской власти. Царский режим видел в социологии социалистическую и атеистическую опасность. Так что при всех положительных аспектах становления социологии в этот период подлинной институционализации ее не произошло.

Второй этап — первые годы советской власти. Период с 1918 г. до середины 20-х гг. можно выделить в особый этап. Дело в том, что вначале советская власть продемонстрировала принципиально иное отношение к социологии, отличное от царской власти. Преподавание социологии было введено не только в университетах, но даже и в средних учебных заведениях. П.А.Сорокин свидетельствовал: «Советское правительство в первые годы после революции благосклонно отнеслось к социологии и даже пыталось вводить ее в средние школы. В основе такой политики лежала мысль о единстве марксистского социализма и социологии»[2]. В ряде государственных университетов открыты кафедры социологии (Петроградском, Яро-

[1] Подробнее см.: *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX — начала XX века. М., 1993; *Новикова С.С.* Институционализация академической социологии в России. М., 2000.

[2] *Сорокин П.А.* Русская социология в XX веке // Социология в России XIX — начала XX. Тексты. М., 1997. С. 141.

славском)[1]. Особенностью этих лет было то, что, наряду с марксистской социологической мыслью (работы В.И.Ленина, Г.В.Плеханова, Н.И.Бухарина), имела «права гражданства» и немарксистская социологическая мысль (работы Н.К.Михайловского, М.М.Ковалевского, П.А.Сорокина). Теоретико-методологический плюрализм социологических теорий и исследований имел мало ограничений, поэтому издавалась обширная литература по социологии, главным образом теоретического характера. Вместе с тем активно развивались многие разделы отраслевой социологии (социология труда — А.К.Гастев, социология искусства — Е.Н.Анциферов, внерабочего времени — С.Г.Струмилин, быта — Е.О.Кабо и т.д.)

Однако такое положение сохранялось недолго. Сошлемся на П.А.Сорокина: «Обнаружив ошибку и увидев, что многие преподаватели ведут социологию, отличную от социализма и коммунизма, правительство запретило ее преподавание в школах, уволило социологов с работы и ввело изучение так называемой «политической науки», включавшей в себя ряд курсов: «Марксистско-ленинское учение истории», «Коммунизм». ….Таким способом социология была изгнана из школ и положение ее стало хуже, чем было до революции 1917 г.»[2]. Началось партийное руководство социологией (как и всеми общественными науками), а к концу 1920-х гг. процесс ее институционализации вообще был сведен на нет. Сначала были запрещены все немарксистские социальные теории. Множество социологов, философов, юристов были высланы за пределы страны (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.А.Сорокин, П.Б.Струве, С.Л.Франк и др.). Вместе с тем считалось, что возможна марксистская социология в форме исторического материализма. Такую идею обосновывал Н.И.Бухарин в книге «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1921). Социология по существу подменялась социальной философией. Правда еще до конца 1920-х гг. продолжались конкретные, эмпирические исследования (А.К.Гастев, С.С.Струмилин и др.). Однако уже к концу 1920-х — началу 1930-х гг. возникают оценки, отражающие отрицательное отношение власти к социологии. Так, в примечаниях, подготовленных Институтом В.И.Ленина при ЦК ВКП(б) к XXIII тому 2-го издания Сочинений В.И.Ленина, говорится, что П.А.Сорокин в 1919 — 1920 гг. был «преподавателем псевдонаучной “социологии" в Петроград-

[1] См.: Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22.

[2] См.: Социология в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 1999. С. 141.

ском университете и других вузах»[1]. Так фактически на официальном уровне социология была объявлена псевдонаукой.

Непризнание социологии в качестве науки, ее третирование в качестве буржуазной лженауки продолжалось до конца 1950-х гг. Несколько поколений людей в стране фактически были лишены возможности получить социологическое образование. Отсутствие социологии как науки, социологических исследований и восприятия советского общества и мировых социальных процессов в течение почти трех десятилетий имело пагубные последствия не только для общественных наук, но и для науки в целом, для формулирования высшими органами власти внутренней и внешней политики.

Третий этап — конец 1950-х — конец 1980-х гг. Особенность этого этапа заключалась в том, что с конца 1950-х гг. (хрущевская «оттепель») социология в стране начала возрождаться. Основная политико-идеологическая и методологическая установка властей в отношении социологии коренным образом изменилась. Теперь стали проводить принципиальное различие между социологией буржуазной и социологией марксистской. Иными словами, начали считать, что возможна разработанная в деталях и служащая делу развития социализма и построения коммунизма марксистско-ленинская социология. Именно такую социологию руководство КПСС поддерживало политически, методологически, морально и организационно. Такая линия противопоставлялась примитивно догматическим установкам периода «культа личности» и считалась возрождением подлинно научных ленинских взглядов на классовую природу общественных наук. Стали проводиться теоретические и эмпирические исследования, издавалась научная социологическая литература, нередко очень высокого научного уровня. Создавались научно-исследовательские учреждения, например, Институт конкретных социальных исследований АН СССР (1968 г., с 1972 г. — Институт социологических исследований АН СССР), многочисленные социологические отделы и лаборатории, в том числе на промышленных предприятиях, при редакциях газет, партийных комитетах разных уровней. Создана Советская социологическая ассоциация (1958), открыт специализированный всесоюзный журнал «Социологические исследования» (1974). Начали возникать отечественные школы и направления в социологии — московская (Г.В.Осипов, А.М.Румянцев), ленинградская (В.А.Ядов), новосибирская (Т.И.Заславская), свердловская (М.Н.Руткевич) и др. Советские социологи стали активными участниками международных

[1] *Ленин В.И.* Соч. Изд. 2-е, М.; Л., 1930. Т. XXIII. С. 627. Любопытно отметить, что это издание сочинений В.И.Ленина выходило под редакцией Н.И. Бухарина, В.М.Молотова, М.А.Савельева.

социологических конгрессов, избирались членами руководящих органов Международной социологической ассоциации, ее исследовательских комитетов[1]. Выдающуюся роль в возрождении социологии в стране, в организации социологических исследований сыграл академик А.М.Румянцев, директор Института конкретных социальных исследований АН СССР (1968 — 1971 гг.)

Вместе с тем со второй половины 1950-х гг. вплоть до 1988 г. социология официально признавалась лишь как прикладная дисциплина в рамках марксистской философской науки[2]. Однако и в таком виде социологические исследования, ориентированные на изучение реальных социальных проблем и процессов, приходили в противоречие с официальными идеологическими установками, что служило поводом для недовольства, а зачастую резкой, даже жестокой критики со стороны власти и ортодоксальных обществоведов.

В целом социология не имела статуса самостоятельной науки. Работавшие в этой сфере имели ученые степени в области философских, экономических, исторических, иногда психологических, но не социологических наук. Теоретико-методологической основой советской социологии мог быть только исторический материализм. Любые попытки хотя бы частично использовать иные методологические подходы — структурно-функциональный анализ, феноменологические концепции и т.д. -подавлялись, подвергались резкой критике не только со стороны партийных идеологических органов, но и догматически мысливших обществоведов.

В качестве примера можно привести реакцию партийных органов и части научной общественности на издание в 1969 г. «Лекций по социологии» доктора философских наук Ю.А.Левады, которые он прочитал на факультете журналистики МГУ в 1967/68 учебном году. «Лекции» были подвергнуты суровой критике (в том числе со стороны части преподавателей Академии общественных наук при ЦК КПСС), а автору были предъявлены обвинения в отступлении от принципов исторического и диалектического материализма, отсутствии классового, партийного подхода к познанию общества. Ю.А.Левада понес партийное наказание (строгий выговор с занесением в учетную карточку), ему было отказано в присвоении ученого звания профессора.

---

[1] Подробнее см.: Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В.Осипова, Л.Н.Москвичева. М., 2002; Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С.Батыгин. СПб., 1999; *Фирсов Б.М.* История советской социологии: Курс лекций. СПб., 2001.

[2] Это было зафиксировано и в официальной Номенклатуре специальностей научных работников, в которой в начале 1970-х гг. в разделе философских наук появилась специальность «Прикладная социология».

Иначе говоря, это был период, когда политическая власть, определенные круги в руководстве КПСС с помощью ортодоксальных обществоведов пытались сформировать монопарадигмальную социологию, ориентированную прежде всего на изучение и решение проблем, которые партия связывала с задачами совершенствования реального социализма и построения коммунистического общества. В таких условиях институционализация социологии приобретала односторонний, деформированный характер. Это проявлялось и в том, что на протяжении всего периода «возрождения социологии» взаимоотношения партийных властей и социологического сообщества строились на основе партийных указаний (иногда мягких, иногда очень жестких) — *что и как* следует изучать. В большинстве партийных документов красной нитью проходила мысль о неудовлетворительном состоянии дел в социологии (и в целом в общественных науках). И в то же время серьезные результаты многих социологических исследований (например, исследований сущности и социальных последствий научно-технической революции) фактически не служили базой для разработки и принятия стратегически важных политических и социально-экономических решений. О методологическом плюрализме, конкуренции идей и теорий не могло быть и речи. Такое положение вело к ограничению свободы исследовательской и творческой мысли, нарастанию противоречий между частью профессионально работающих социологов и руководящими представителями властных структур, а также внутри сообщества социологов и шире — внутри обществоведов[1].

Многие решения партийных и государственных органов, которые играли ключевую роль относительно статуса или кадрового корпуса обществознания (в том числе и социологии), стимулировали его развитие или наоборот, тормозили, носили закрытый характер, были недоступны широкой научной общественности. Вопиющий случай: когда насквозь фальшивое письмо-донос на имя М.А.Суслова от «сотрудников ряда гуманитарных институтов АН СССР» (под которым стоят 27 неразборчивых подписей) было использовано в 1972 г. как один из поводов не просто коренной реорганизации Института конкретных социальных исследований АН СССР, а прежде всего расправы над многими квалифицированными специалистами. Обнародование таких документов обнажает скрытые механизмы под-

[1] Многочисленные материалы, характеризующие этот период отечественной социологии, содержатся в недавно опубликованных сборниках документов из архивов ЦК КПСС: Социология и власть. Сб. 1. Документы. 1953 —1968. М., 1997; Социология и власть. Сб. 2. Документы. 1969 — 1972. М., 2001; Социология и власть. Сб. 3. Документы. 1973 — 1984. М., 2003 (Все сборники под редакцией Л.Н.Москвичева).

готовки и принятия важнейших решений, повлиявших на судьбы социологии в стране[1].

Крупной вехой в эволюции отечественной социологической мысли явилось Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества»[2]. Основной смысл его заключался в том, чтобы институционализировать в обществе и государстве социологию как марксистско-ленинскую науку. ЦК КПСС констатировал, что «социология еще не заняла должного места в творческом развитии марксистско-ленинского обществоведения, формировании научного мировоззрения трудящихся, осуществлении социальной политики КПСС». Ставилась коренная задача: «принципиально изменить отношение к социологии и преодолеть недооценку ее роли в решении важнейших проблем развития общества». Далее, после перечисления основных проблем внутренней и международной жизни, подлежащих социологической разработке, были сформулированы поручения. «Академии наук СССР, министерствам и ведомствам обеспечить поэтапное формирование научных учреждений и подразделений социологического профиля по мере необходимости и при наличии соответствующих кадров». Институт социологических исследований был преобразован в Институт социологии АН СССР. Марксистско-ленинская социология получала статус полноправной самостоятельной отрасли науки, наряду с другими — историей, экономикой, философией, филологией и т.д. В постановлении не употребляется распространенный ранее термин «буржуазная социология», говорится о необходимости освоения опыта «основных направлений немарксистской социологии» и «критики реакционных социологических концепций».

В тринадцати крупнейших вузах страны открывались социологические факультеты или отделения. В новой «Номенклатуре специальностей научных работников» вместо специальности «Прикладная социология» была выделена отрасль «Социологические науки», которая включала 7 специальностей. Вводились ученые степени кандидата и доктора социологических наук. В начале 1989 г. по социологическим специальностям обучалось около 1 тыс. студентов и 85 аспирантов. В конце 1988 г. постановлением президиума ВЦСПС и коллегии Госкомтруда был образован Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), которому поручалось проведение 18 — 20 оперативных исследований в год по заданиям партийных, государственных

[1] См.: Социология и власть. Сб. 2. Документы. 1969 — 1972. С. 121 — 135, 154 — 157.

[2] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 15 — 23.

и профсоюзных органов и систематические выборочные обследования по относящимся к функциям центра вопросам.

Таким образом, после длительного перерыва (со второй половины 1920-х гг.) социология была наконец признана самостоятельной наукой. Но речь шла именно о марксистско-ленинской социологии, т.е. социологии, методологической основой которой является исторический материализм, социологии, поддерживаемой и контролируемой партией, со всеми вытекающими отсюда последствиями, что и подчеркивалось в названии самого Постановления и во всем его содержании.

Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. сыграло огромную роль в процессе институционализации социологии в стране. Это относится прежде всего к тем аспектам, которые затрагивают решение организационных вопросов. Что касается содержательных аспектов Постановления, т.е. политико-идеологической направленности, методологических оснований социологии как марксистско-ленинской общественной науки, указания на проблемы, подлежащие социологическому изучению и разработке, то после роспуска КПСС в начале 1990-х гг. они утратили свой директивный характер.

Вместе с официальным отказом новой власти от социалистического выбора пути развития страны закончился этап партийного руководства социологической наукой. Процесс институционализации социологии при всех его позитивных сторонах остался незавершенным.

Произошла ли институционализация отечественной социологии в 1990-е годы и в начале XXI века?

С начала 1990-х гг. мы имеем дело с новым — *четвертым этапом* институционализации социологии в нашей стране. Многие процессы в постсоветском обществе, без сомнения, носят положительный характер. Социология как автономная наука, с которой сняты политические и идеологические запреты, все более уверенно входит в духовную жизнь российского общества, становится частью его интеллектуального потенциала. Свидетельство тому — создание новых исследовательских и учебных центров (в частности, создание в системе РАН Института социально-политических исследований), развивающиеся исследования, обширная, по сравнению с прошлым, социологическая литература, новые журналы (хотя следует особо отметить, что монографии журналы в подавляющем большинстве выходят мизерными тиражами). Социология стала учебной дисциплиной и преподается в большинстве вузов страны. Издан ряд учебни-

ков и учебных пособий по социологии, часто с помощью отечественных и зарубежных фондов. Переведен на русский язык ряд западных учебников и исследовательских монографий. Социологическое сообщество страны буквально всколыхнули недавние всероссийские форумы ученых, прежде всего два Всероссийских социологических конгресса[1].

Тем не менее следует подчеркнуть, что мы находимся только в самом начале процесса подлинной институционализации социологии в российском обществе. Как пойдет он дальше и чем завершится — с полной определенностью сказать трудно. Ряд явлений и фактов вызывают беспокойство. Необходимо фиксировать существенные тенденции такого процесса и способствовать реальной институционализации науки. Рассмотрим подробнее некоторые из этих тенденций.

Конец официального статуса марксистско-ленинской социологии. Марксистское направление в социологии сохраняется, но оно уже не является единственным и господствующим. Пожалуй, это главная тенденция, определяющая если не все, то многие другие тенденции. Она ставит перед социологами, властью и обществом множество новых проблем, требует глубокого, всестороннего и объективного осмысления.

С точки зрения внешней институционализации социология должна обрести новые формы взаимосвязей с властью и органами управления, системой образования, хозяйственными и коммерческими структурами, политическими партиями и т.д. С точки зрения внутренней институционализации следует отметить отход от жесткого монопарадигмального состояния социологии советского периода и осознание того, что истинное знание должно опираться на множественность перспектив, на допущение разных вариантов социальных изменений, на понимание неоднозначности управленческого воздействия на ожидаемый и прогнозируемый результат[2].

Однако расширение методологических оснований идет очень трудно. Четких новых методологических позиций по существу не выработано до сих пор. В большинстве докторских диссертаций по социологическим наукам 1990-х гг. они (позиции) подаются неопределенно, размыто — как простое декларативное перечисление известных автору различных, часто противоречащих друг другу общесоциологических теорий. Четко выраженного мультипарадигмального состояния современная отечественная социология не достигла, хотя в ряде диссертаций перечисляются и кратко характе-

[1] Подробнее см.: *Осипов Г.В.* Российская социология в 21 веке. М., 2003.

[2] См.: *Осипов Г.В.* Российская социология в 21 веке. М., 2003; *Здравомыслов А.Г.* Варианты социологического мышления в современной России // Социология и современная Россия / Под ред. А.Б.Гофмана. М., 2003. С. 30.

ризуются различные возможные парадигмы социологического знания. Следует, однако, отметить, что это — констатация, а не оценка. Из диссертантов-докторантов, кажется, никто за последние годы не заявил себя последовательным продолжателем именно марксистско-ленинской традиции в социологии. Но также не было и откровенных приверженцев структурно-функциональной или феноменологической методологической перспективы в социологии.

Формирование ядра социологической теории. Любая наука достигает стадии зрелости лишь тогда, когда обретает собственную теоретическую основу, т.е. разработанную и логически целостную понятийно-категориальную систему, которая основывается на эмпирическом знании и научных методах его получения. Одной из актуальных задач отечественной социологии в настоящее время является построение общей социологической теории. Возрождение социологии в СССР с конца 1950-х гг. происходило вовсе не фронтально, а лишь отдельными «направлениями удара», разработкой по большей части проблем отраслевой социологии: труда, общественного мнения, управления, личности, науки, идеологической работы и т.д. Что касается общей социологической теории, то здесь существовала твердая партийно-идеологическая установка: таковой может быть только исторический материализм. В определенной мере и в определенных областях социологического знания (социология труда, научно-технического прогресса, мышления и др.) эта установка успешно реализовывалась. Однако она не могла быть реализована в полной мере по тем следующим причинам: во-первых, исторический материализм — это особая социальная философия, ядро которой составляет монофакторное понимание человеческого общества; во-вторых, она претендовала на самодостаточное познание, объяснение и понимание законов развития и функционирования общества.

Общая социологическая теория, как и социология в целом, на современном уровне могут быть только мультипарадигмальными, т.е. допускать внутри себя наличие нескольких равноправных парадигм, каждая из которых дает лишь определенный угол рассмотрения социальной действительности и не может претендовать на абсолютность, на самодостаточность. Само понятие «общая социологическая теория» не тождественно понятию «единая социологическая теория». Социальный статус в обществе такой мультипарадигмальной социологии значительно сложнее, он порождает множество новых вопросов и проблем гносеологического и социального характера, которых раньше не было. О сложности проблемы свидетельствует тот факт, что изданный Институтом социологии РАН фундаментальный том «Социология в России» (под ред. В.А.Ядова, М., 1998), включающий 30 глав, не содержит ни одной главы, посвященной общей социологической теории. Размышляя над этой книгой и над этим фактом,

А.Г.Здравомыслов с сожалением заметил, что «в книге не оказалось самостоятельного пространства для обсуждения вопросов социологической теории. Возможно, что невысказанная предпосылка для такого решения состоит в том, что развитие теории осуществляется «где-то там» — в сферах зарубежных и международных. Но эта посылка несостоятельна. Без разработки вопросов теоретического характера не существует национальной социологии… Вне общего теоретического контекста российская социология выступает как совокупность отраслевых социологий»[1].

Действительно, построение проработанных вариантов общей социологической теории остается в отечественной социологии одной из важнейших задач и проблем. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что ряд важных наработок в этом отношении уже имеются. К ним можно отнести понимание общей социологической теории с точки зрения социоструктурного подхода (Т.И.Заславская), социокультурного подхода (Н.И.Лапин), «социологии жизни» (Ж.Т.Тощенко).

Проведенные в последние годы в ИСПИ РАН теоретические и эмпирические исследования также основываются на определенной версии современного понимания общей социологической теории. Коротко говоря, она заключается в следующем.

1. Общая социологическая теория занимает промежуточное положение между философско-методологическими и иными предпосылками социологического знания, с одной стороны, и отраслевыми социологическими дисциплинами и частными теориями — с другой.

2. С содержательной точки зрения общая социологическая теория — основа социологической науки, ее теоретический каркас, концептуальная и категориально-понятийная основа. Именно в ней концентрируется сущность социологического подхода к изучению общества. Этот подход проявляется в совокупности специфически социологических категорий и понятий.

3. Общая социологическая теория формируется в определенной социокультурной среде, под влиянием мировоззренческих и социальных условий, научных, философских и культурных традиций, личных предпочтений и поэтому не может быть полностью унифицированной. Российская социология не может заимствовать общую социологическую теорию, сложившуюся в других (европейских или американских) социокультурных условиях, но учесть наработки зарубежных коллег она должна.

4. В состав общей социологической теории можно включать следующие блоки проблем: а) социология как наука — объект, предмет

[1] *Здравомыслов А.Г.* О судьбах социологии в России // Социс. 2000. № 3. С. 137, 138.

и функции социологии в обществе; б) главные компоненты социальной жизни людей — системы социальных связей, культура, личность, народонаселение; в) концептуальное понимание социальных структур — социальных групп, институтов, организаций, систем родства, систем расслоения (стратификации) и т.д.; г) концептуальное понимание процессов социального взаимодействия — коммуникации, мобильности, контроля, конфликтов и т.д.; д) концептуальное понимание социальных изменений и развития социальных и социетальных систем, показателей развития общества (обществ) и развития человека и т.д.; е) концептуальное понимание специфики социологического исследования — его целей, структуры, методологии, процедур[1]. Предложенная версия, понятно, не может претендовать на исчерпывающее решение вопроса, но вместе с тем содержит некоторые важные отправные положения.

Изменение характера отношений с властью. Взаимоотношения власти и науки (особенно социологии) в современных обществах становятся важнейшим элементом общественных отношений в целом. Еще Конференция Нобелевских лауреатов (Париж, 1988) справедливо подчеркнула: «Необходимо преодолеть существующую во многих странах разобщенность между политическими кругами и научным сообществом, для чего каждая из сторон должна признать ту роль, которую играет в обществе другая»[2]. Приходится констатировать, что в новых условиях российского общества упомянутая «разобщенность» не только не уменьшилась, но во многом расширилась.

Отношения власти к науке (социологии) можно подразделить на три вида: политико-идеологические, организационно-управленческие и финансовые. В советский период 1960 — 1980-х гг. власть в лице руководства КПСС придавала первостепенное значение состоянию и развитию общественных наук, жестко контролировала их, но в то же время поддерживала организационно, политически и экономически направления, которые соответствовали основным официальным идеологическим установкам. Те же направления или отдельные ученые, которые «не соответствовали», лишались поддержки, а зачастую преследовались (в разных формах).

С начала 1990-х гг. прежние отношения фактически завершились. Должен был сложиться новый тип взаимоотношений социологии и власти. В области политико-идеологических отношений следует отметить два обстоятельства. В связи с запретом деятельности КПСС фактически само собой отпали идеологические директивы от-

[1] Подробнее см.: Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Г.В.Осипов, Л.Н.Москвичев. М., 2002.

[2] Вестник высшей школы. 1998. № 3. С. 7.

носительно социологии и социологических исследований. Свобода научного творчества теперь подразумевалась как бы сама собой. Несомненно, это сыграло важную роль в развитии социологической науки в стране в целом.

Вместе с тем за истекшие полтора десятилетия не сформировалась адекватная политика государства в отношении науки в целом и социальных наук в особенности, в том числе в отношении социологии. Налицо несоответствие между декларациями о важности науки в современном обществе, содержащимися в утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. «Доктрине развития российской науки», и реальным положением на грани развала многих научных институтов, научных школ и направлений, которые если еще и существуют, то прежде всего в силу своего энтузиазма и бескорыстия. Доктрина провозглашала: «Государство рассматривает науку и ее научный потенциал как национальное достояние, определяющее будущее нашей страны, в связи с чем поддержка развития науки становится приоритетной государственной задачей». Однако уже к 1996 — 1998 гг. произошло реальное сокращение ассигнований на науку в 20 — 30 раз по сравнению с предыдущим десятилетием.

Что касается социальных наук, то власть фактически «отпустила» их в «свободное плавание». Специфика общественных наук (в том числе социологии), их значимость в общественной жизни, в реформировании общества даже не упоминаются ни в «Доктрине развития российской науки», ни в проекте «Программы развития российской науки». А невнимание или недостаточное внимание власти к проблемам функционирования и развития науки (социологии) неизбежно ведет к снижению интеллектуального уровня всего общества, к принижению научного социологического мышления и распространению мифотворчества и иллюзий. Это противоречивое, двойственное отношение власти к науке, к социологии, наблюдалось на протяжении всего периода «радикальных реформ».

В области организационно-управленческих отношений власти к социологии государство в лице соответствующих министерств осуществляет управленческие функции в отношении преподавания социологии в учебных заведениях, подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров, финансирования (минимального — об этом ниже) сравнительно небольшой группы исследовательских институтов (в том числе институтов РАН) и ряда научных фондов (в том числе РГНФ, РФФИ). Однако отсутствие развернутой стратегической государственной политики в отношении социальных наук (социологии) отрицательно сказывается и в этой области. Исследователями неоднократно отмечалось отсутствие надлежащей законода-

тельной базы, которая бы устанавливала правовой статус науки и ученых в обществе, где господствуют рыночные отношения, правовые формы взаимодействия науки с государством и другими наукопользователями, правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности ученых, в том числе обществоведов. Такое законодательство особо необходимо для урегулирования отношений социологии (социолога) с государством и с институтами гражданского общества. Оно должно включать правила (и право) доступа к получению государственной, правительственной информации, гарантии свободы творческой исследовательской деятельности, правила проведения различных опросов населения, прежде всего в предвыборных кампаниях, особенно правила использования результатов этих опросов. Некоторые ученые ставят вопрос об учреждении определенных государственных сертификатов на проведение социологических исследований. Пока всего этого нет, социология нередко используется в целях манипулирования сознанием и поведением людей, для «черного пиара» и т.д.

С содержательной стороны наиболее характерной чертой отношения высших эшелонов власти к социологии является невостребованность имеющихся в отечественной и зарубежной социологии фундаментальных результатов научных исследований. Социологическая наука вновь, как и в советские времена, оказывается по большей части непричастной к выработке принципиальных и стратегических решений, в том числе относительно вывода страны из системного кризиса и перспектив ее дальнейшего развития. Не сформулированы стратегические национальные (общегосударственные) социальные ценности и цели проводимых реформ, что невозможно сделать без помощи социологии.

Анализ «судьбоносных» документов власти 1990-х гг. с точки зрения их социологического содержания свидетельствует о недоучете, во-первых, новейших научных представлений о характере, направленности и механизмах социальных изменений в контексте общемировых тенденций интеллектуализации, информатизации, глобализации и некоторых других, а во-вторых, социокультурных, институциональных и экологических особенностей российского общества.

Характерно мнение германского предпринимателя, члена Римского клуба доктора Клауса Штайльманна. Анализируя создавшуюся в России в 1990-е гг. ситуацию, он отмечает: «Присущие российскому народу духовность, гуманизм, идейность, альтруизм и многие другие ценности и значимые социокультурные качества неожиданно вытеснились «на обочину общественного развития». Для экономики, основанной на системе конкуренции, и человека как рыночного агента главное заключается в том, чтобы «быть лучше и сильнее других». В

России ценностные ориентации стали заметно смещаться в индивидуалистическую и потребительскую сферы. Мотивом и «мотором» российской рыночной системы стали выступать эгоизм и жажда наживы. Но эгоизм, не заключенный в определенные «рамочные условия», часто не останавливается ни перед чем. Современная российская рыночная действительность дает массу примеров, когда «жажда наживы» ведет к преступлениям и наносит огромный ущерб самой идее русского предпринимательства в глазах мировой общественности»[1].

Формирование специальностей научных работников в области социологии. В связи с официальным признанием социологии (и политологии) самостоятельными науками в ноябре 1988 г. были введены научные специальности по этим наукам, ГКНТ СССР утвердил новую Номенклатуру специальностей научных работников. Это был важный шаг на пути институционализации этих наук, их развития в стране. Отныне ученым, профессионально работающим в социологической и политологической проблематике и получившим определенные научные результаты, могла быть присуждена ученая степень кандидата или доктора социологических или политических наук. Социологические специальности формулировались в соответствии с научными, а не идеологическими критериями. Вначале по социологическим наукам было утверждено 7 научных специальностей, по политическим наукам — 4. В течение 1990-х гг. формулировки специальностей несколько менялись, но социолог и политолог оставались самостоятельными, государством признанными научными профессиями. В Номенклатуру специальностей научных работников были внесены и существенные изменения по ряду других социальных и гуманитарных наук, что способствовало деидеологизации и деполитизации Номенклатуры и повлияло на повышение уровня профессионализма в этих науках. Назовем лишь некоторые из этих изменений.

По *философским наукам* — специальность «Диалектический и исторический материализм» в 1991 г. преобразована в специальность «Диалектика и теория познания», в 1995 г. — в специальность «Онтология и теория познания». Одновременно образована новая специальность «Социальная философия»; специальность «Теория научного социализма и коммунизма» в 1991 г. преобразована в специальность «Теория и история социализма». В 1995 г. она исключена из Номенклатуры.

По *историческим наукам* — специальность «История КПСС» в 1991 г. преобразована в специальность «История общественных движений и политических партий», в 1995 г. она исключена из Номенкла-

[1] *Штайльманн К.* Новая философия бизнеса. Т. 1. Москва — Берлин, 1998. С. 32.

туры; специальности «История коммунистического и рабочего движения и национально-освободительных движений», «История марксизма-ленинизма» и «Партийное строительство» в 1991 г. исключены из Номенклатуры.

Таким образом, в социальных и гуманитарных науках сформировалась современная система специальностей, в целом соответствующая международным стандартам. Признанная государством и обществом, она является важным элементом институционализации науки, в том числе социологии.

Эволюция кадрового состава социологии. До конца 80-х гг. в стране не было дипломированных социологов. Первые поколения отечественных ученых 1950 — 1980-х гг., работавших в области социологии, имели ученые степени по философским, экономическим, историческим, психологическим и другим наукам. Это обстоятельство создает существенные трудности при анализе кадрового состава отечественной социологии указанного периода. Вместе с тем некоторые представления на этот счет можно получить из актов персонального учета лиц, имеющих ученую степень доктора наук, который осуществлялся Госкомитетом СССР по статистике. Так, по состоянию на 1 января 1989 г. имеются следующие данные*:

Докторов философских наук (всего) 1476
из них по специальностям:
Диалектический и исторический материализм.....540
Теория научного коммунизма 364
История философии 178
Марксистско-ленинская эстетика и теория культуры.....107
Марксистско-ленинская этика.....28
Научный атеизм, история религии и атеизма 64
Логика 28
Философские вопросы естествознания 79
Прикладная социология 88

* *Источник:* Данные персонального учета лиц, имеющих ученую степень доктора наук на 1 января 1989 года. Госкомстат СССР, 1989.

Таким образом, примерно за полтора десятилетия существования научной специальности «Прикладная социология» было подготовлено и получили ученую степень доктора философских наук 88 человек. Сколько к тому времени было подготовлено кандидатов философских наук по этой специальности, точно неизвестно. В цитированном источнике есть только указание на то, что число докторов наук по специальности «Прикладная социология», имеющих подготовленных

ими кандидатов наук, составляет 59 человек, а всего ими подготовлено 537 кандидатов наук. Можно предполагать, что к концу 80-х годов в Советском Союзе имелось около 550 кандидатов философских наук по специальности «Прикладная социология».

Представляют интерес и другие показатели. Так, на 1 января 1989 г. в стране насчитывалось по всем отраслям наук 45 229 докторов наук, в том числе по социальным и гуманитарным наукам (историческим, экономическим, философским, филологическим, юридическим, педагогическим, психологическим наукам) — 10 569, что составляет 23,4% от общего числа докторов наук.

В последующие годы число новых докторов (и кандидатов) социологических наук в стране постоянно возрастало. Приводимая ниже таблица* показывает количество специалистов, которым присуждена ученая степень кандидата и доктора социологических наук:

Степень	1990 г.	1995 г.	1999 г.	2000 г.	2002 г.	2003 г.
Кандидат социологических наук	22	144	390	420	432	463
Доктор социологических наук	5	15	41	60	66	41

* *Источник:* Данные ежегодных отчетов ВАК России.

В таблице показана численность дипломированных социологов только по социологическим специальностям Номенклатуры специальностей научных работников. Кроме того, в области социологической проблематики нередко работают, как и прежде, специалисты, имеющие ученые степени по другим наукам — экономическим, философским, юридическим, политическим и т.д. Так что общая численность профессиональных социологов будет больше, чем дипломированных непосредственно по социологическим наукам. Следует иметь в виду, что в начале 1990-х гг. происходило массовое преобразование кафедр научного коммунизма, истории КПСС и ряда других в кафедры социологии и политологии, а также переквалификация в социологов и политологов представителей ликвидированных специальностей.

На определенные раздумья наводят данные о распределении авторов докторских диссертаций по месту основной работы. Так, из

числа новых докторов социологических наук, получивших эту ученую степень в последние три года, преподавателей вузов было около 70%, сотрудников учреждений РАН, отраслевых академий и ведомственных НИИ около 10%, представителей хозяйственных и коммерческих структур и представителей органов власти, политических партий — около 20%.

Отсюда следуют несколько выводов: во-первых, главной социальной сферой институционализации является система образования; во-вторых, в количественном отношении сфера академической и отраслевой науки представлена крайне слабо; в-третьих, формируется новая институциональная сфера социологической науки — совокупность хозяйственных и политических структур и организаций.

Условно в таком институциональном раскладе можно видеть три наиболее распространенных социальных типа современного российского социолога: 1) преподаватель (как правило, вузовский); 2) научный работник-исследователь; 3) социолог-практик (как правило, представитель руководящих хозяйственных, государственных, партийно-политических звеньев). Речь в данном случае идет о социальных типах, а не о конкретных людях. Каждый человек, в зависимости от ситуации, может выступать, к примеру, и преподавателем, и исследователем, и практиком. Что же касается появления в ряду отечественных кадров высшей научной квалификации практиков, то это явление сравнительно новое и неоднозначное[1]. Вместе с тем вопрос о присуждении ученых степеней крупным хозяйственным, экономическим, политическим руководителям еще требует объективного осмысливания.

Бюджетное недофинансирование социологии и его социальные последствия. О финансовых бедах современной российской науки и, в частности, социологии, сказано и написано много. При всей помощи, которую оказывают обществоведам, в том числе социологам, РГНФ, РФФИ и другие фонды, непосредственное бюджетное недофинансирование государственного сектора социологической науки (в том числе вузовской) ставит ее на грань выживания. Это известно. Известны и неоднократные обращения ученых и научных коллективов к властям об увеличении финансирования, равно как и попытки новой президентской администрации и нового правительства улучшить положение.

Следует обратить внимание на принципиальную теоретическую сторону вопроса о государственной финансовой поддержке науки, в частности социологии, в условиях, скажем мягче, становления рыночной экономики. Во-первых, государство как выразитель интере-

[1] Подробнее см.: Социс. 1998. № 5; 2001. № 3.

сов народа не может не быть заинтересовано в получении такого интеллектуального продукта, как социологическое знание. Последнее в итоге является общественным продуктом, т.е. рассчитанным на потребление всем социумом, хотя, разумеется, разными слоями общества в разной степени. Вместе с тем оно является товаром, которым пользуется по существу все общество. А государство выступает его главным заказчиком. Однако сфера науки (социологии в том числе) оказывается одной из немногих, на которые не распространены обычные рыночные отношения[1]. Бюджетное финансовое обеспечение ученого (социолога) в несколько раз меньше минимума тех реальных расходов, которые необходимы для нормальной профессиональной деятельности, в том числе поддержания здоровья, содержания семьи, приобретения книг, инструментов, элементарной техники и т.д. Поэтому подавляющее большинство ученых (социологов) имеют двойное, тройное и более совместительство, что негативно сказывается на качестве их научной продукции.

Это становится особо очевидным при сравнении государственных исследовательских учреждений с коммерческими или частными. Научные сотрудники последних имеют заработки, существенно превышающие заработки научных сотрудников государственных учреждений, тем более если они существуют только за счет бюджета. Все это деформирует отношения социологического сообщества и власти, создает почву для внутренней «утечки мозгов», т.е. переливания высококвалифицированных научных кадров из бюджетных в коммерческие структуры. А вместе с тем происходят перемены в тематической структуре социологических исследований, ибо коммерческие учреждения заинтересованы в решающей степени в исследовании узких, сиюминутных проблем по требованию заказчика, по большей части в проведении опросов в многочисленных предвыборных кампаниях.

Опасности снижения уровня социологических исследований и уровня социологических знаний. Ликвидация в начале 1990-х гг. жесткого партийного контроля в отношении социологии и других наук, снятие политико-идеологических табу и запретов в социологических исследованиях и публикациях явились мощными стимулирующими факторами развития социологии в стране, ее институционализации в российском обществе.

Вместе с тем тревожные тенденции относительно современного научного уровня и перспектив развития отечественной социологии все в большей степени привлекают внимание научной обществен-

[1] На это также обратила внимание доктор юридических наук В.В.Лапаева. См. ее статью «Российская наука в новом социальном контексте: пути самоопределения» // Социс. 2001. № 8.

ности. Одна из них — снижение уровня социологических знаний у выпускников высших учебных заведений — будущей хозяйственной и управленческой элиты страны. В этой связи следует обратить внимание на решение Министерства образования о переводе социологии из ранга обязательной учебной дисциплины в вузах страны в ранг необязательной. Это означает, что руководители значительной части вузов сами могут решать — вводить преподавание социологии в их вузе или не вводить, и если вводить, то в каком объеме. Очевидно, что такая ситуация содержит возможности субъективистских и волюнтаристских решений, которые будут иметь отрицательные последствия. Во-первых, определенная часть студентов вузов не будет изучать эту науку. Во-вторых, перераспределение сетки учебных часов необязательных дисциплин осуществляется нередко таким образом, что на изучение социологии отводится от 18 до 36 аудиторных часов, т.е. фактически не больше 5 — 6 или 10 — 12 лекций. Подобные учебные планы есть проявление несомненной профанации науки. В-третьих, «преподавание» социологии в таких объемах может вести к дисквалификации преподавательского состава, будет стимулировать двойное и тройное совместительство, порождать всезнающих «многостаночников».

Факты указывают на тенденцию снижения (в среднем) уровня профессионализма и кадров высшей научной квалификации — новых кандидатов и докторов наук. В результате опроса членов Экспертного совета по философии, социологии и культурологии ВАК России были получены следующие данные: 14% членов совета считают, что за последние годы уровень требований к кандидатским работам повышается, но более 40% отмечают снижение требований; 17% считают, что уровень требований к докторским диссертациям повышается, а более трети экспертов отмечают их снижение. В целом это тревожный симптом, который может иметь далеко идущие последствия. Я уже не говорю о распространяющейся практике «торговли» диссертациями, написания их «по заказу» и т.д.

Итог этих размышлений неоднозначен. Картина противоречивая. Несмотря на некоторые «подвижки», за истекшее десятилетие институционализация социологии в современном российском обществе в полном смысле слова пока не состоялась. Более того, по сравнению с 1960 — 1980-ми гг. ряд позиций утрачен. Есть ли надежда? Видимо, требуется больше времени, чтобы отечественная социология полностью обрела качества зрелой самостоятельной науки, социологическое сообщество осознало свою роль в обществе, а власть признала абсолютную необходимость социологического видения перспектив развития страны и проявила заботу о развитии социологии и других наук.